

Чухлеб Сергей Никитович

НИЦШЕ И XIX ВЕК

Эта статья содержит анализ личности и творчества Ф. Ницше в контексте культуры XIX века. Ницше, его последователи и противники полагают, что философ противопоставляет современной ему традиции, разрывая отношения с тысячелетней европейской культурой. Но в действительности он радикально выражает ряд господствовавших в его время культурных тенденций. Как всякий диссидент, философ не столько отрицает господствовавшие культурные формы, сколько преобразует их и придает им новый облик. Вводится и разрабатывается новое понятие "культурный фетишизм".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 204-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Michelfelder D., Jones S. A.** Sustaining Engineering Codes of Ethics for the Twenty-First Century // Science and Engineering Ethics. 2013. Vol. 19. P. 237-258.
7. **WFEO Model Code of Ethics** [Электронный ресурс]. URL: http://www.wfeo.org/wp-content/uploads/WFEO_MODEL_CODE_OF_ETHICS_Final.pdf (дата обращения: 27.04.2015).
8. **World Federation of Engineering Organizations** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wfeo.org/about/> (дата обращения: 27.04.2015).

THE MAIN DEVELOPMENT TENDENCIES OF THE CODES OF ETHICS OF ENGINEERING COMMUNITIES IN THE XX-XXI CENTURIES

Cherepanova Mariya Vladimirovna
National Research Tomsk Polytechnic University
cherepanovamv@tpu.ru

The scale of socio-cultural changes caused by scientific and technological progress raises sharply the issue of the ethical responsibility of the engineer. The article is devoted to the consideration of the main directions of the transformation of the engineering codes of ethics in the XX-XXI centuries. The identified tendencies demonstrate the relevance of professional and socio-cultural components in their content and allow speaking about increase within the framework of the considered period in the level of the collective social responsibility of engineering practice participants.

Key words and phrases: professional ethics; engineering community; engineering ethics; code of ethics; sustainable development.

УДК 130.2

Философские науки

Эта статья содержит анализ личности и творчества Ф. Ницше в контексте культуры XIX века. Ницше, его последователи и противники полагают, что философ противопоставит современной ему традиции, разрывая отношения с тысячелетней европейской культурой. Но в действительности он радикально выражает ряд господствовавших в его время культурных тенденций. Как всякий диссидент, философ не столько отрицает господствовавшие культурные формы, сколько преобразует их и придает им новый облик. Вводится и разрабатывается новое понятие «культурный фетишизм».

Ключевые слова и фразы: ницшеанство; культура; религия; античная культура; культурный фетишизм; христианство; абсолютизм; аристократия; рабство; воля к власти; философский релятивизм.

Чухлеб Сергей Никитович, к. филос. н.
Российская академия музыки имени Гнесиных
chuhlebsn@mail.ru

НИЦШЕ И XIX ВЕК©

Выступление Ницше было nonsensом для благочестивого, моралистичного и благонамеренного XIX века. Сначала образованное сообщество игнорировало философию Ницше. В итоге же молодые представители этого общества с восторгом приняли ницшеанство как новую Благоую Весть [6, с. 13-47, 51-62; 7; 17].

Сам Ницше претендовал на то, что он полностью разрывает какие-либо отношения и преемства с тысячелетней европейской культурной традицией и создает новое мировоззрение для нового мира. Его противники, и его поклонники были согласны с ним.

Противники Ницше считали его безумным отступником, сманивающим человечество на путь порока и гибели. Ницшеанство было для них симптомом той болезни духа, которую несет безбожное Новейшее время. Но они верили, что благонамеренное и цивилизованное человечество преодолет этот соблазн и не уклонится в сторону на своем пути к торжеству Разумного, Доброго, Вечного.

Поклонники Ницше воспринимали его как великого пророка, который возвестил начало нового, жестокого, но прекрасного мира. Для них Ницше также оказывался вне рамок всей предшествующей культурной традиции и, прежде всего, вне рамок философии и культуры XIX века.

Отчасти и те, и другие правы. «Европа XIX века напоминала хорошо ухоженный и окультуренный садик. Двадцать пять лет революционных и наполеоновских войн отбили у европейцев охоту к всеобщей войне. Развитие капитализма, породившее технологический и научный взрыв, представляло будущее в весьма радужном свете. Общей верой являлась вера в прогресс. Романы Жюль Верна являются прекрасным образцом иллюзий, которые лелеяли разум европейцев того времени. В этих романах мы видим мир Европы бодро марширующим по пути прогресса науки, техники и нравственности. Если здесь и появляются злодеи, то их фигуры оказываются плоскими и почти нереальными – еще одно усилие цивилизации, и эта тень зла исчезнет навсегда.

XIX век – это время ренессанса религии (и этот ренессанс парадоксальным образом разворачивается на фоне все большей секуляризации, обмирщения общества – динамичной, стремительно эволюционирующей

сложной культуры, которая может являть противоположные тенденции). Впервые грамотность распространяется среди широких масс настолько, что теперь люди могут узнать о Слове Божьем не из уст полуграмотного священника, а непосредственно обратившись к Святому Писанию. Кроме того, распространение образования способствует развитию рефлексивных навыков людей. Эти навыки позволяют им более точно, более последовательно сопоставлять Закон Божий со своей жизнью и пытаться преобразовывать ее в соответствии с ним (среднестатистический человек Средневековья много слышал о заповедях Христа, он верил в них, но ему и в голову не приходило воплощать их в своей жизни). В итоге европейское общество XIX века твердо и сознательно верит в Бога и старается всеми силами являть пример хорошего христианства. XIX век – век благотворительности и филантропических обществ.

Европеец XIX века разумен, организован, порядочен и сдержан. Корсеты носят как мужчины, так и женщины. Их духовная жизнь также схвачена корсетом разумности, порядочности и сдержанности. Даже сексуальность не возмущает упорядоченный мир европейца. Сексуальность подавлена и изгнана. Правда, она при этом никуда не делась – тeneвая, неофициальная, тайная и порочная сторона жизни в XIX веке имеет чудовищные размеры. Но эту сторону жизни стараются не замечать, хотя почти все в ней участвуют» [24; 25, с. 448-449].

«И вот посреди этого царства прогресса, разумности и христианского морализма вдруг появляется философ Ницше, который демонстративно и громогласно отрицает господствующие ценности. Если господствующая культура воспекает разум, то Ницше смеется над ним и отдает пальму первенства порыву, страсти, инстинкту. Если культура требует любить ближнего, то Ницше требует подавить ближнего, ибо выживают сильнейшие, и это хорошо! Если господствующая культура грезит о цивилизованном человеке, то Ницше воспекает приход человека-зверя, господство “белокурой бестии”. На фоне XIX века Ницше смотрится очень странно – маргинал и сумасшедший. Но сегодня, оглядываясь на прошлое, мы видим, что Ницше одним из первых почувствовал те “тектонические” подвижки культуры, которые в XX веке обернулись полной катастрофой цивилизации XIX века. Цивилизованный и хорошо ухоженный садик Европы оказался разрушен в XX веке мировыми войнами, тоталитарными революциями, геноцидом и террором» [15; 16; 19, с. 294-326; 25, с. 449].

Но ни противники, ни поклонники Ницше не смогли понять, что Ницше и его философия в действительности являются закономерным явлением культуры XIX века.

XIX век – это промежуточный этап между крахом аграрного общества и возникновением современного индустриального общества. Он сохраняет многое из того, что характерно для культуры аграрного общества, и являет многое из того, что в развернутом виде реализовалось лишь в XX веке [2, с. 191-202, 206-213; 3, с. 509-593; 8, с. 340-365; 9, гл. X; 10, с. 247-293; 11, с. 265-266; 14, с. 886-888, 953-979; 23].

Массовая культура еще не возникла – массы, низшие слои общества еще слишком бедны, слишком бесправны, слишком задавлены непосильным трудом, чтобы финансировать и потреблять артефакты.

Духовная культура XIX века почти полностью замыкается на интересах и потребностях высших классов. Эти классы достаточно богаты, чтобы иметь хорошее образование и досуг для содержательного и вдумчивого потребления высоких образцов духовного творчества. Старые культурные традиции все еще сильны, но дух Нового времени дает о себе знать. Обмирщение культуры, успехи науки девальвируют христианские ценности и христианские образцы. Абсолютизм эпохи деспотического господства религии разрушается и распадается на множество конкурирующих философий, идеологий и культурных традиций.

Христианство уже не господствует тотально над умами европейцев (о современной секуляризации см. [4, с. 246-280; 12]). Многие из них мало интересуются религией, но увлечены культурными, социальными и политическими вопросами. Однако тысячелетнее господство христианства все еще сказывается. Образованные европейцы мыслят рационально и интересуются мирскими проблемами, но делают они это по-старому, то есть в рамках религиозного абсолютизма. Бог и ценности христианства перестали быть для них абсолютами. Но «свято место пусто не бывает». Теперь европейцы служат иным абсолютам: Нация, Государство, Красота, Добро, Справедливость, Человеколюбие и т.д. Эти новые абсолюты они называют «принципами» и воспринимают тех, кто этим принципам не служит, как дикарей или животных.

Философия Ницше возникает и развивается в рамках именно этого всеобщего культурного тренда. Ницше больше не верит в христианского Бога и ниспровергает христианские ценности. Но мыслит он по-прежнему в рамках старого религиозного абсолютизма. Просто теперь для Ницше абсолютами являются ценности духовной культуры и ее творцы.

В этом Ницше также не оригинален. Распад христианской культуры породил, в том числе, и такое любопытное явление, как «**культурный фетишизм**». Это понятие представляется весьма полезным для описания и понимания сущности современной культуры.

Культурный фетишизм – феномен, возникший в последние два столетия. Фетишами называют различные предметы сакрального значения, которым поклоняется первобытный человек. Культурный фетишизм – это восприятие элементов, ценностей и предметов духовной культуры в качестве абсолютов, которым человек **должен** служить. Их знание, сохранение, почитание (а еще лучше – создание) и **усвоение** придает смысл и значение человеческой жизни. Жизнь вне служения этим абсолютам бессмысленна, бесполезна, порочна и, возможно, не нужна.

Культурный фетишизм – это разновидность более общего постхристианского фетишизма. В качестве фетишей могут восприниматься не только элементы духовной культуры, но и политические, этические, этнические и прочие феномены.

В качестве прекрасного образца «культы» духовных фетишей может служить круг поклонников и почитателей Вагнера.

«Титан Вагнер держал в плену этих людей и защищал их от проклятых “проблем и загадок”, и людей, казалось, удовлетворяла мысль, что они были только тенью чужого величия. Они ни о чем не размышляли, но восторженно повторяли преподанные им формулы. Собралась целая группа гегельянцев, и Вагнер представлял для них как бы вторичное воплощение их учителя. Последователи Шопенгауэра были в полном составе: им сказали, что Вагнер переложил на музыку философскую систему Шопенгауэра; было в Байрейте несколько молодых людей, истинных немцев, называвших себя “идеалистами”. “Мое искусство, – заявил им Вагнер, – знаменует собой победу германского идеализма над галльским сенсуализмом”. Гегельянцы, последователи Шопенгауэра, идеалисты – все сливались в общем чувстве триумфальной гордости. Они праздновали успех» [7, с. 141].

Последовательно и ярко позиция культурного фетишизма проявилась в письме супруги Вагнера Козимы Вагнер Фридриху Ницше (естественно, сама она не подозревала, что выражает позицию культурного фетишизма, напоминая адресату очевидные и неоспоримые истины). Дело в том, что в своей брошюре «О вреде и пользе изучения истории» Ницше не упомянул о Вагнере ни разу. В вагнерианском кругу все было неприятно изумлены этим обстоятельством. Козима Вагнер решила напомнить Ницше о подлинных источниках его творчества: «“Только то, что *Вы были приобщены к страданию гения*, дало вам возможность оценить нашу культуру с общей точки зрения, – пишет она ему, – и только в ней черпаете Вы чудесную силу творчества, и я уверена, что она *переживет все наши керосиновые и газовые звезды*. Может быть, Вам не удалось бы так хорошо распознать одним взглядом всю пестроту видимости, если бы Вы так глубоко не соприкоснулись с нашей жизнью. Из того же источника почерпнули Вы иронию и юмор, и то, что корнем своим они имеют общие страдания, дает им совсем иную силу, чем если бы они были простой игрой ума”» [Цит. по: Там же, с. 121] (*курсив автора – С. Ч.*).

Как видим, здесь присутствуют основные идеи культурного фетишизма. Образованный, талантливый человек – всего лишь керосиновая или газовая звезда на фоне подлинного светила – гения. Лишь приобщенность к его страданиям (непреренно к страданиям, и никак иначе! Довольный, жизнерадостный гений – нонсенс и обман. Сказывается двухтысячелетнее господство христианства) позволяет такому человеку прикоснуться к подлинной реальности и оставить свой скромный след в истории. Об этом следует помнить, и по этим «маякам» должно править курс своей жизни.

Позиция культурного фетишизма была и остается общим местом для любого образованного человека последних двух столетий. Разделял ее и Ницше, естественно, не осознавая этого. (По большому счету, его схватка с Вагнером – схватка за первенство в пантеоне культурных фетишей). Конечно, он сознательно выражал эту позицию, защищал и проповедовал ее. Но он не замечал, что реализует всего лишь исторический предрассудок своей эпохи. Логика этой схемы представлялась ему наиболее адекватным и истинным взглядом на положение вещей.

Распад тотального христианского абсолютизма породил множество частных абсолютистских систем светского характера, которые то конкурировали друг с другом, то вступали в союзы различного рода. При этом, как правило, они не конфликтовали открыто со своей матрицей – христианством, но пытались вступить с ней в симбиоз за счет частичной ассимиляции и деформации христианской матрицы [22, с. 310-335].

Ситуация с Ницше любопытна тем, что он почти с самого начала выступил как последовательный проповедник позиции культурного фетишизма, не желая вступать в компромиссы с какой-либо иной абсолютистской системой. С самого начала он рассматривал достижения высокой культуры и их творцов в качестве конечной цели существования человечества. Лишь прекрасный мир высоких образцов духовной культуры способен оправдать это отвратительное кишение пошлых страстей, желаний и потребностей, которое являет человечество в своей повседневной жизни. Эта жизнь представляется Ницше жалкой и иллюзорной. И он страдает от того, что как человек он также принужден время от времени участвовать во всем этом. «Все мелочи его обыденной жизни внушали ему странное непреодолимое отвращение. “Все непередаваемое музыкой, – пишет он, – отталкивает меня и делается отвратительным... Я боюсь реальной действительности. По правде говоря, я не вижу больше ничего реального, а одну сплошную фантасмагорию”» [7, с. 86].

Всю свою жизнь философ мыслил себя в качестве великого учителя человечества, который должен помочь ему осознать подлинное назначение существования. Вот почему он вновь и вновь возвращается к проблеме воспитания. «Что значит “преподавать”, “воспитывать” людей? Это значит *направлять их умы по такому пути, чтобы общий уровень развития возвысился если не до понимания, то, во всяком случае, до всеобщего уважения гениальных произведений*» [Там же].

Приняв за точку отсчета именно эту позицию, Ницше с решительностью «свободного ума» пытается преобразовать всю ценностную базу общества. Он восхищен высоким взлетом античной культуры и именно ее берет за образец, к которому должно стремиться любое общество. Задаваясь вопросом: как стал возможен этот необыкновенный расцвет античной культуры? – Ницше приходит к выводу, что одним из главных его условий было наличие рабства.

«“Возможно, что такое познание ужаснет нас, – пишет он, – но чувство ужаса – это необходимое последствие каждого более или менее глубокого познания. Природа всегда таит в себе ужас, даже когда из ее рук выходят самые прекрасные творения. Закон природы состоит в том, что культура в своем триумфальном шествии одаряет только ничтожнейшее, привилегированное меньшинство, и для того, чтобы искусство достигло своего полного расцвета, необходимо, чтобы массы оставались рабами. Наше поколение имеет обыкновение противопоставлять грекам два принципа, кстати сказать, оба измышленные, для того, чтобы успокоить общество, рабское по своему духу, но не могущее без страха и тревоги слышать самое слово “раб”. Мы говорим о “достоинстве человека” и “достоинстве труда”. Совсем иной язык у греков. Они простодушно заявляют, что труд унижен, ибо невозможно, чтобы человек, занятый добыванием хлеба, стал когда-нибудь *артистом*. Признаем же следующую истину, как бы жестоко она ни звучала в наших ушах: рабство необходимо для развития культуры; это – истина, не оставляющая никакого сомнения в абсолютной ценности бытия. Это орел,

ключущий внутренности Прометея, творца культуры. Страдания людей, живущих в нищете, должны быть еще сильнее, чтобы самое ограниченное число жителей Олимпа могло создать мир искусства. Ценой труда низших классов, путем так называемого неоплаченного труда, привилегированный класс должен быть освобожден от борьбы за существование и, тем самым, получить возможность творить, удовлетворять все новым потребностям. И если можно сказать, что Греция пала оттого, что носила в себе рабство, то гораздо справедливее будет другое мнение: мы погибаем потому, что у нас нет рабов» [Цит. по: Там же, с. 74-75].

«Каково происхождение рабства? Как создалось подчинение раба, “слепого крота культуры”? “От греков мы узнаем, – говорит Ницше, – побежденный принадлежит победителю, с женою и детьми, с имуществом, плотью и кровью. Власть дает первое право, и нет такого права, которое по существу своему, не было бы присвоением, захватом, насилием”. Таким образом, мысль Ницше возвращается к первоначальной точке своего отправления: сначала его вдохновляла война, и он снова возвращается к ней. Война создала рабство; в страдании и трагедии люди создали красоту; надо их глубже погрузить в страдание и в трагедию, чтобы удержать в людях чувство красоты» [Там же, с. 75].

Это открытие – рабство является необходимым условием для существования высокой культуры – заставляет Ницше пересмотреть свое отношение к современной морали и современным ценностям. Общество, в котором он жил, неуклонно продвигалось в сторону демократии, равноправия, феминизма, защиты прав человека. Все эти явления, по мнению Ницше, способны лишь погубить общество и его культуру. Он решительно отвергает эти веяния времени. Вместе с тем, ему все более и более становится подозрительно христианство. Он хорошо осознает, что главным источником всех этих пагубных явлений был и остается христианский гуманизм.

Продолжая размышлять о причинах высокого взлета эллинской культуры и о причинах ее гибели, он обнаруживает, что в основе удивительного расцвета древнегреческого общества лежит необыкновенный источник жизненной силы, явленный молодым варварским народом. Древние греки появляются на исторической сцене из темных веков варварства. Они полны творческой мощи и жажды господства. Именно эти силы породили удивительный расцвет их культуры. Но постепенно цивилизация, демократия, рассудочная мораль и распоясавшийся демос задушили этот жизненный порыв и убили древнегреческую цивилизацию.

Так Ницше обнаруживает еще более высокую ценность, чем изысканная духовная культура. Эта ценность – **жизнь, выражающаяся в непреодолимой воле к власти**. С этого момента философия Ницше постепенно эволюционирует от позиции культурного фетишизма к позиции абсолютизации ничем не сдерживаемых порывов самодовлеющей и всепобеждающей жизни. Культурные фетиши не перестали быть значимыми для философа. Но он слишком хорошо видит, что они – лишь следствие бурления здоровой, ничем не сдерживаемой жизненной энергии. Культ творца высоких артефактов культуры теперь преобразуется в философии Ницше в культ сильного человека, реализующего мощь своих жизненных порывов. Истинный гений – это лишь частный случай, одно из воплощений сильного человека.

Очарование силой и величием сверхчеловека гармонично совпало с ухудшением физического и экзистенциального здоровья самого философа. Чем больше Ницше погружался в болезни и депрессии, тем более он грезил о сильном человеке, являющем здоровую мощь тела и духа. Философ не мог не замечать этого контраста. Но осознавал он его весьма превратно.

Психотерапия в то время еще не была изобретена, а интеллектуальных сил Ницше было недостаточно, чтобы самому создать некий ее аналог. Именно поэтому он пребывал в таком же экзистенциально-невменяемом состоянии, в каком пребывают люди от рождения до смерти, с той лишь разницей, что степень экзистенциальной невменяемости у философа была еще более высокой. Чем сильнее невроз, тем более фантастично представление о самом себе. А невроз Ницше был столь силен, что в итоге перерос в психоз.

Таким образом, размышляя о контрасте между собственной жизнью и своим идеалом, Ницше приходил к выводу, что он самый сильный и самый здоровый человек в истории. Но грандиозность задач, которые он призван решить, и величие цели, к которой он стремился, разрушили его здоровье. Дух же его не только не потерпел ущерба, но и поднялся на небывалую высоту. На этой высоте страшно одиноко и холодно, ибо упадок человечества почти уничтожил тех, кто смог бы составить философу компанию «на высоте шести тысяч футов над Байрейтом»: «Лучше жить среди льдов, чем под теплыми веяниями современных добродетелей» [16, т. 2, с. 63].

Есть и еще одно экзистенциальное обстоятельство, обусловившее эволюцию Ницше к идее сверхчеловека. В этом экзистенциальном обстоятельстве также преломляется дух эпохи.

Как отмечено выше, XIX век – это век тотального господства морали, добродетели и приличий. Этос «приличного человека» в этом веке достигает своего пика. Эта достаточно уникальная ситуация возникает на грани перехода европейских стран от аграрного состояния к современному. Древняя аристократия аграрной эпохи оказывается все более теснимой новыми буржуазными слоями, хотя все еще господствует в социальной иерархии. Но теперь она уже не может объяснить себе и другим причины этого господства, ссылаясь только на благородство крови, право меча или Божью волю. Все эти идеи развенчаны веком Просвещения и успехами науки. Теперь аристократия объясняет причину своего господства тем обстоятельством, что она является эталоном изысканного вкуса, образования и чести. Аристократическое благородство удивительным образом сплавляется с высокой образованностью и высокой культурой, преобразуясь в особый этос «джентльмена» [16].

Я не случайно употребил именно термин «джентльмен». Феномен «джентльмена», присущий английскому обществу в XIX веке, идеально иллюстрирует эту ситуацию. Джентльмен – это человек, чье благородство (во всех отношениях и смыслах) объясняет и оправдывает его господство над низшими классами. Особенно важно то, что джентльменом может быть не только дворянин, но любой представитель высших социальных слоев – «социальное благородство» теперь распространяется и на буржуазные слои. Низшие же

классы характеризуются как вульгарные, пошлые, неблагородные. На бытовом уровне сознания их представители маркируются как люди, которые «не умеют себя вести».

Этот удивительный сплав чувства социального превосходства, жесточайшей школы «приличного поведения» и приобщенности к высокой культуре и образованию охватывает все стороны жизни «человека из высшего общества». С детства этого человека воспитывают в соответствующем духе, прививая ему чуть ли не на уровне физиологии отвращение ко всему пошлему, вульгарному, низкому.

Ницше получил именно такое воспитание. Но в его случае этот «аристократический» дух прошел дополнительную возгонку за счет двух обстоятельств. Во-первых, Ницше был «нарциссом», то есть человеком, полагающим себя в высшей степени превосходящим всех остальных. Во-вторых, Ницше принадлежал к низшему слою «приличного» общества. Его семья не имела дворянского статуса, родовых владений, титулов. Она приобщилась к высшему обществу лишь за счет личных добродетелей ее представителей, их образования и деятельности. Воспитанный в духе человека из высшего общества, Ницше всегда тяготился тем обстоятельством, что он не принадлежит к родовой аристократии. Вот почему семейная легенда о графах Ницких как основоположниках их рода была столь любима им с раннего детства. Семейный невроз, породивший эту легенду, стал его личным неврозом. Всю свою жизнь он соотносил свои поступки, мысли и чувства с этим мнимым аристократическим происхождением. И часто в разговоре с родными он вставлял: «Мы, графы Ницкие...».

Таким образом, на примере философии самого Ницше блестяще подтверждаются его же слова: «...каждый инстинкт властолюбив; и, как таковой, он пытается философствовать» [Там же, т. 2, с. 245]. Философия Ницше должна была доказать прежде всего ему самому, а затем уже другим, что Ницше принадлежит к обществу высших людей. Сначала способ доказательства опирался на культурный фетишизм, затем – на идею сверхчеловека.

Вот почему в его способе философствования такую роль играет чувство чистоплотности. Этот комплекс почти без изменений и преобразований переключался из повседневной жизни семьи Ницше в его философию. Его семья гордилась строгостью и благочестивостью своих нравов и с младенчества прививала ему отвращение к телесной и духовной нечистоплотности. И этот же принцип отвращения к нечистоплотности провозглашается Ницше одним из главных методов его философии:

«Мне присуща совершенно жуткая впечатлительность инстинкта чистоты, так что близость – что говорю я? – самое сокровенное, или “потроха”, всякой души я воспринимаю физиологически – обоняю... В этой впечатлительности – мои психологические усики, которыми я ощупываю и овладеваю всякой тайною: большая скрытая грязь на дне иных душ, обусловленная, быть может, дурной кровью, но замаскированная побелкой воспитания, становится мне известной почти при первом соприкосновении. Если мои наблюдения правильны, такие непримиримые с моей чистоплотностью природы относятся в свою очередь с предосторожностью к моему отвращению: но от этого они не становятся благоухающими...» [Там же, с. 706].

«Кто, общаясь с людьми, не отливает при случае всеми цветами злополучия, зеленея и серея от отвращения, пресыщения, сочувствия, сумрачности, уединенности, тот наверняка не человек с высшими вкусами... Изучение *среднего* человека, долгое, серьезное, и с этой целью множество переодеваний, самопреодолений, фамильярности, дурного обхождения (всякое обхождение дурно, кроме обхождения с себе подобным), – составляет необходимую часть биографии каждого философа, быть может, самую неприятную, самую зловонную, самую богатую разочарованиями часть. Если же на долю его выпадает счастье, как подобает баловню познания, то он встречает людей, поистине сокращающих и облегчающих его задачу, – я разумею так называемых циников, т.е. таких людей, которые просто признают в себе животность, пошлость, “правило” и при этом обладают еще той степенью ума и кичливости, которая их заставляет говорить о себе и себе подобных *перед свидетелями*: иногда даже и в книгах они точно валяются в собственном навозе. Цинизм есть единственная форма, в которой пошлые души соприкасаются с тем, что называется искренностью; и высшему человеку следует наострять уши при каждом более крупном и утонченном проявлении цинизма и поздравлять себя каждый раз, когда прямо перед ним заговорит бесстыдный скоморох или научный сатир. Бывают даже случаи, когда при этом к отвращению примешивается очарование: именно, когда с таким нескромным козлом и обезьяной по прихоти природы соединяется гений...» [Там же, с. 262-263].

Как мы видим, наличие «высших вкусов» для Ницше оказывается даже более значимым, чем гениальность. Гениальность не может извинить отсутствие высших вкусов. Это место позволяет нам понять, каков в действительности главный экзистенциальный источник философии Ницше.

Казус Ницше чрезвычайно любопытен для вдумчивого археолога культуры. Как идеальный индикатор, он указывает степень реализации определенных культурных процессов в европейском обществе Нового и Новейшего времен.

Начиная с того момента, когда европейская аграрная цивилизация начинает эволюционировать в сторону капиталистической промышленной цивилизации (XVI век), представители ее высших социальных классов постоянно сталкиваются с фактом появления в их рядах выходцев из низших классов. Эти выходцы достигают социальных высот за счет своих богатств, энергии и талантов. Старая аристократия раздражена этим давлением снизу и упорно сопротивляется ему. Но сделать она ничего не может – с каждым следующим столетием процесс «размывания» рядов древней аристократии все более усиливается. Мы можем отследить протекание этих процессов, в том числе, и по тому, как они отражаются в произведениях искусства и философских текстах. В пьесах авторов XVII века (например, Мольера или Лопе де Веги) мы обнаруживаем свидетельство того, что этот процесс уже явственно присутствует в обществе. Но это достаточно ранняя стадия. Аристократия все еще апеллирует к древности своего происхождения и благородству крови и все еще брезгливо морщится, видя, как отдельные представители низших классов пополняют ее ряды [13, с. 233-300; 21, с. 141].

В случае с философией Ницше мы обнаруживаем все тот же процесс, но достигший своих границ. Высшее общество все еще сохраняется, но его представители определяют себя уже не через благородство крови и древность своего происхождения, а через воспитание, образование, вкус, социальный статус, место в высокой культуре, богатство (последний пункт наиболее проблематичен. Богатство оказывается чаще всего основным фактором социального возвышения человека. Но в сознании представителей высшего общества – это одно из самых сомнительных оснований для социального возвышения. Такой разрыв между реальным положением вещей и их культурным осмыслением имеет много причин. Одна из них – древняя установка христианской культуры на моральную подозрительность и проблематичность богатства). Более того, потому что представители низших классов продолжают во все более массовом порядке размывать ряды благородного общества. В этом отношении философия Ницше оказывается «моментальным» снимком уникальной социальной ситуации второй половины XIX века. Но Ницше не останавливается на этом, он пытается предложить в своей системе новые, модернизированные способы определения того, кто достоин, а кто недостойн пребывания в высших социальных слоях.

Вновь и вновь он задается вопросом о причинах расцвета и упадка общества. Исследуя эту проблему, он идет по стопам Платона, убежденного в том, что здоровое общество возможно лишь при правильном распределении человеческих душ в социальной структуре. Благородные и духовные должны править и служить высшим идеям. Дикие и подлые должны непрестанно трудиться, чтобы оправдать бессмысленность своего существования. Труд и служение аристократии облагораживают и сдерживают низменные позы. Но к благородству, духовной и физической чистоплотности, изысканности манер и вкуса необходимо добавить, убежден Ницше, еще и жизненную силу. Более того, и благородство, и чистоплотность, и изысканность вкуса, и сдержанность манер есть лишь неизбежное следствие превосходной жизненной силы. Именно избыток этой силы порождает все самое лучшее, что есть в человеке.

Естественно, все вышеизложенное является лишь моей интерпретацией истоков и оснований философии Ницше. Сам Ницше всего этого не осознавал. Он действовал по наитию, ведомый своими очевидностями, эмоциями, потребностями и озарениями. Но, думаю, моя интерпретация небеспочвенна и оправдана. В конце концов, стоит воспользоваться тем обстоятельством, что от Ницше меня отделяет более чем столетие. С высоты этого времени можно и нужно бросить взгляд на его эпоху и определить место ницшеанской философии в ней.

Но философия Ницше не исчерпывается теми целями и задачами, которые он сознательно или бессознательно преследовал. Европейская культура XIX века была насквозь пронизана абсолютистским мышлением, которое она позаимствовала у прежних, «христианских» веков. Она раздробила этот абсолютизм на множество отдельных абсолютистских систем светского характера. И философия Ницше в своих основных посылах, схемах и выводах почти полностью уместается в паре таких систем. Но она не исчерпывается этим. Плюрализм абсолютистских систем с неизбежностью провоцирует их столкновение друг с другом. В этих столкновениях системы не только пожирают и ассимилируют друг друга, но и невольно ставят под сомнение сам принцип Абсолюта. Философия Ницше ценна тем, что в ней философ не только развенчивает одни абсолюты ради торжества других абсолютов, но и тем, что невольно ставит под сомнение существование каких-либо абсолютов как таковых. В этом отношении ницшеанство стало одним из источников философского релятивизма XX века.

Список литературы

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. / пер. С. Мальцева. СПб.: Пневма, 2005. Т. 4. 880 с.
2. Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1879 года и до наших дней. М.: Весь Мир, 2006. 586 с.
3. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 622 с.
4. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; АСТ Москва, 2007. 444 с.
5. Великовский С. И. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции. М.: Художественная литература, 1979. 295 с.
6. Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб.: Издательский дом «Жоло», 2004. 416 с.
7. Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Рига: Спридитис, 1990. 275 с.
8. Дидерикс Г. А., Линдبلاد И. Т., Ноордам Д. И. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980 гг.: учеб. пособ. для студ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 432 с.
9. Дэвис Н. История Европы. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 943 с.
10. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна: Издательский Центр «Феникс», 1997. 304 с.
11. Кёнигсбергер Г. Г. Европа раннего Нового времени, 1500-1789. М.: Весь Мир, 2006. 320 с.
12. Краус В. Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах. Эссе. М.: Радуга, 1994. 256 с.
13. Лихтенберже А. Современная Германия. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 2014. 319 с.
14. Мак-Нил У. Восхождение Запада. Киев: Ника-Центр, 2013. 1058 с.
15. Ницше Ф. Воля к власти. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
16. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990.
17. Орбел Н. Эссе liber. Опыт ницшеанской апологии // Ницше Ф. Воля к власти. М.: Культурная Революция, 2005. С. 571-728.
18. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
19. Пленков О. Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб.: Владимир Даль, 2011. 608 с.
20. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 2003. 992 с.
21. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 312 с.

22. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.
23. Травин Д. Европейская модернизация: в 2-х кн. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 665 с.
24. Цвейг С. Статьи, эссе. «Вчерашний мир. Воспоминания европейца». М.: Радуга, 1987. 448 с.
25. Чухлеб С. Н. Археология идей: История философии в доступном изложении. Запад: Античность. Средневековье. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 464 с.

NIETZSCHE AND THE XIX CENTURY

Chukhleb Sergei Nikitovich, Ph. D. in Philosophy
Gnessin Russian Academy of Music
chuhlebsn@mail.ru

The article provides an analysis of the personality and creative work of F. Nietzsche in the context of the culture of the XIX century. Nietzsche, his followers and opponents believe that the philosopher opposes the contemporary tradition breaking relations with thousand-year European culture. But in reality he radically expresses a number of dominating at that time cultural tendencies. As any dissident, the philosopher not so much denies the dominating cultural forms as transforms and shapes them. The paper introduces and develops a new conception of “cultural fetishism”.

Key words and phrases: Nietzscheanism; culture; religion; ancient culture; cultural fetishism; Christianity; absolutism; aristocracy; slavery; will for power; philosophical relativism.

УДК 298.9

Социологические науки

На основе данных, полученных в результате анкетного опроса рядовых прозелитов современных языческих общин, в статье, во-первых, рассматривается специфика социального состава участников праздника Купалы (пол, возраст, уровень образования, род занятий и место жительства). Во-вторых, анализируется нарративная источниковая база, лёгшая в основу мировоззрения адептов данного культурного и социально-политического феномена.

Ключевые слова и фразы: современное русское язычество; диаспора; праздник; община; научная литература; анкета.

Шиженский Роман Витальевич, к.и.н., доцент

Шляхов Михаил Юрьевич, к.и.н.

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
heit@inbox.ru

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЯЗЫЧНИКОВ ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ©

С 17 по 23 июня 2014 года актив научно-исследовательской лаборатории «Новые религиозные движения в современной России и странах Европы» Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина проводил анкетный опрос среди представителей русских языческих общин, собравшихся на праздник Купалы. Данное мероприятие уникально своей проекцией. Второй год подряд организатором праздника выступает языческая конфедерация – объединение двух союзов современных носителей альтернативного мировоззрения: содружества общин «Велесова Круга» (год образования – 1999) и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры (год создания – 1997). Совместная Купала проводилась на «Красном Лугу» под Малоярославцем (с. Игнатьевское Калужской области). По данным организаторов, в праздничном мероприятии 2014 года приняло участие около 1200 человек (первая Купала 1998 года была проведена силами 20 общинников, праздник 2013 года собрал от 1500 до 1800 человек). Обрядовая составляющая праздника, кроме непосредственного участия в купальской мистерии, включала проведение языческих свадеб, обряды очищения, имянаречения и т.д.

В ходе проведения опроса 2014 года исследовательский коллектив столкнулся со специфическими особенностями работы в «масштабном языческом поле», ранее отмеченными в аналогичной экспедиции 2013 года. К таковым следует относить, во-первых, значительный процент отказов от заполнения анкет, что обуславливается занятостью потенциальных респондентов (подготовкой палаточного лагеря, участием в организационных мероприятиях и др.) и встречающимся недоверием к интервьюерам. Во-вторых, и это отмечают сами организаторы Купалы, – присутствие на празднике огромного числа «ряженных» – людей, приехавших на обычный отдых на природе, дополненный костюмированными и религиозными компонентами с приставкой «этно». В целях выявления процента «не доверяющих» и проверки высказанного ранее утверждения о преобладании в современном языческом сообществе диаспорального концепта [14] в анкету 2014 года были включены два «предложения» респондентам: внести в опросный лист свой e-mail адрес и допустимую форму обращения